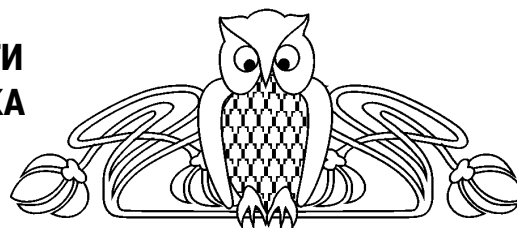

УДК 94(574)|1995/2005|+327

ИЗМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА И ИНТЕРЕСЫ КАЗАХСТАНА

Г. С. Саркулова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: galiyasarkulova@mail.ru

В статье анализируется ситуация в области безопасности Каспийского региона на рубеже XX века в условиях борьбы с международным терроризмом. При этом особое внимание автор уделяет исследованию позиции Казахстана по вопросам обеспечения безопасности в регионе и его сотрудничеству с региональными игроками и внешними акторами.

Ключевые слова: Республика Казахстан, международные отношения, региональные отношения, безопасность, постсоветское пространство, Каспийский регион.

Changing the Security Architecture of the Caspian Region in the Early 21st Century and the Interests of Kazakhstan

G. S. Sarkulova

The article analyzes the situation in the field of security in the Caspian region at the turn of the 20th century concerning the struggle against international terrorism. Particular attention is paid to the study of the position of Kazakhstan in ensuring regional security and its cooperation with regional and external actors.

Key words: Republic of Kazakhstan, international relations, regional relations, security, post-Soviet space, Caspian region.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-223-227

Региональная безопасность в конце 1990-х гг. была многоуровневой и являлась отражением взаимоотношений между странами, как на двусторонней основе, так и в рамках международных и региональных структур. Нестабильность многополярного мира определялась внешними интересами ведущих мировых акторов, стремлением независимых стран постсоветского региона занять свое место под солнцем, нарастающими вызовами безопасности со стороны терроризма, экстремизма, миграции и некоторыми другими региональными компонентами.

К началу XXI в. Республика Казахстан подошла с внятным и апробированным набором внешнеполитических ориентиров, которые опирались на принципы многовекторности в международных делах, при сохранении приоритета собственных интересов. Исходя из национальных интересов Казахстана, которые вытекали из стремления обеспечить для себя благоприятные внешние и внутренние условия существования, руководство страны было нацелено на развитие энергетического сектора экономики с привлечением иностран-

ных инвестиций, что, безусловно, вело к развитию транспортно-логистической инфраструктуры Каспийского региона в целом.

Геополитический расклад в регионе к концу 1990 – начала 2000-х гг. состоял из нескольких узлов интересов и противоречий между акторами. С одной стороны, стремление ведущей на тот момент державы Соединенных Штатов Америки установить в регионе свое влияние и иметь возможность контролировать каспийские энергоресурсы, с другой – наличие в регионе естественных интересов Российской Федерации, которая постепенно начала усиливать свое присутствие в регионе. Нельзя не отметить и желание закрепиться в регионе со стороны Европейского Союза, который через свои программы выстраивал двусторонние отношения со странами региона. Свои интересы здесь имели такие региональные игроки, как Иран, Турция, Китай. При этом стороны в конкурентной борьбе пытались ограничить влияние друг друга на процессы в зоне Каспия. Таким образом, существовал целый комплекс интересов и противоречий, в котором Казахстан не только имел свое место, но и был активно задействован в процессе формирования архитектуры безопасности региона.

Ситуация в мире в области обеспечения безопасности резко меняется после террористических ударов по США 11 сентября 2001 г.¹ Ведущая мировая держава оказалась под ударом международных террористов, базирующихся по сведениям американцев в Афганистане. События 11 сентября явились серьезным ударом по концепции незыблемости и недостижимости Штатов. В этот момент проявилась уязвимость сверхдержавы со стороны нетрадиционной угрозы, не имеющей постоянной локализации и национальности.

После известных событий Соединенные Штаты представили новую внешнеполитическую стратегию, которая была сформулирована в так называемой «Доктрине Буша». Общая суть ее сводилась к следующим компонентам: во-первых, это идея непревзойденного американского военного превосходства; во-вторых, это концепция «превентивной войны», т. е. готовности наносить военные удары до того, как в отношении США и их союзников будут предприняты агрессивные действия²; в-третьих, это готовность действовать в одиночку, если многостороннего сотрудничества будет невозможно достичь³.

Так, атака террористов «развязала руки» американской внешней политике, в основе которой лежало

стремление к мировому господству и закреплению в стратегически важных регионах мира. Регион Каспия был одним из таких. На фоне ведения антитеррористической войны и необходимости формирования соответствующей коалиции США активизировали контакты с государствами постсоветского пространства, особенно со странами Центрально-азиатского региона⁴. В «Стратегии национальной безопасности» США от 2002 г. впервые на первое место был поставлен Евразийский регион с ядром в Каспийском регионе и Центральной Азии (ЦА). Американская администрация определила данный регион (Центральной Евразии) центром мировой политики в XXI веке и здесь сосредоточены вызовы и возможности для Америки в XXI в.

Далеко идущие планы США в отношении данного региона достаточно четко описала заместитель госсекретаря США по делам Европы и Евразии Э. Джоунс. Во время своего официального визита в республики Центральной Азии в январе 2002 г. она заявила: «Когда конфликт в Афганистане завершится, мы не уйдем из Центральной Азии. Во всех пяти странах мы должны расширять постоянную поддержку демократических институтов, местных неправительственных организаций и независимых СМИ»⁵.

Вскоре после теракта 11 сентября активизировались встречи на высшем уровне между США и руководителями центрально-азиатских стран. Увеличились финансирование государств региона, усилились программы помощи процессу демократизации и перехода к рыночной экономике. Между сторонами заключались дополнительные договоры о стратегическом сотрудничестве, активизировалась совместная работа в рамках программы «Партнерство во имя мира» по линии НАТО. Появилось новое стратегическое направление сотрудничества – борьба с международным терроризмом и экстремизмом⁶. В ноябре 2002 г. на Пражском саммите НАТО было заявлено о стратегической значимости Кавказа и Центральной Азии для Запада.

В 2002 г. США закрепились в Центральной Азии в военно-политическом отношении, имея в Узбекистане и Киргизстане свои авиабазы и получив разрешение от Таджикистана на промежуточные посадки военной авиации. Активное включение государств региона в деятельность международной антитеррористической коалиции являлось неотъемлемой частью всего процесса усиления американского присутствия в регионе. С геополитической точки зрения наличие военных баз на территории стран ЦА, а также укрепление военно-политических связей с государствами постсоветского пространства в целом являлись выгодными для США, исходя из возможности контролировать Центрально-азиатский регион и иметь выход к нефтеносному Каспию, который был объявлен «зоной жизненно важных интересов» Вашингтона. В свою очередь, одной из актуальных задач американской внешней политики являлось вытеснение России из региона Каспия

и ЦА либо, по крайней мере, максимальное ослабление ее роли в этих государствах.

Еще в феврале 1997 г. американский сенатор Роберт Бирд в своей речи «Американская политика по отношению к Каспийскому региону» назвал Азербайджан стратегическим партнером США на Кавказе⁷. Свое военное присутствие в Каспийском регионе Соединенные Штаты зафиксировали в этой стране посредством НАТО после событий 11 сентября. Приняв участие в деятельности международной антитеррористической коалиции, Азербайджан открыл свое воздушное пространство для Североатлантического альянса и создал условия для возможности использования имеющейся инфраструктуры воздушного транспорта. Тем самым Баку оказывал поддержку силам коалиции в оснащении дислоцированного в Афганистане воинского контингента НАТО.

Закрепленный конституционно в 1995 г. (и признанный Генеральной Ассамблеей ООН)⁸ внешнеполитический нейтралитет Туркменистана не был нарушен в начале 2000-х гг., несмотря на серьезные вызовы безопасности. Ашхабад избегал вступления в региональные политические и военные альянсы (кроме СНГ) и старался поддерживать партнерские отношения, как с Западом, так и с Востоком. Так, после событий 11 сентября 2001 г. Туркменистан отказался предоставить странам антитеррористической коалиции аэродромы для военных целей. В то же время Ашхабад принял участие в гуманитарной миссии, разрешив функционирование двух важнейших коридоров для поставки гуманитарных грузов афганскому населению⁹.

С 2000 г. Москва активизируется в направлении укрепления своего влияния в регионе Каспийского моря. В Концепции внешней политики России, принятой в 2000 г., было заявлено, что в целях осуществления основных внешнеполитических приоритетов необходимо главные усилия направить на «формирование пояса добрососедства по периметру границ, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах»¹⁰. При этом особо подчеркивалось, что, «рассматривая Большое Средиземноморье как связующий узел таких регионов, как Ближний Восток, Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря, Россия намерена проводить целенаправленный курс на превращение его в зону мира, стабильности и добрососедства»¹¹.

Основные направления политики России на Каспии согласно стратегии внешней политики РФ состояли в «стремлении к выработке такого статуса Каспийского моря, который позволил бы прибрежным государствам развернуть взаимовыгодное сотрудничество по эксплуатации ресурсов региона на справедливой основе, с учетом законных интересов друг друга».

Каспийский регион традиционно считался зоной естественных интересов России. В то же

время историческое присутствие Москвы в одном из важнейших геополитических узлов не ограничивалось связями с прибрежными странами, а также распространялось и на регион Центральной Азии, ситуация в котором напрямую влияла на архитектуру безопасности в зоне Каспия. В связи с этим Россию не могло устраивать заметное усиление присутствия со стороны Соединённых Штатов у своих южных границ в начале 2000-х гг.

Необходимо отметить, что события 11 сентября создали определенную почву для сближения Москвы и Вашингтона. Россия одной из первых выразила свою готовность оказывать США помощь в войне с терроризмом¹². На встрече со своим российским коллегой Игорем Ивановым в Шанхае 18 октября 2001 г. госсекретарь США Колин Пауэлл отметил, что «Россия и США близки по вопросу борьбы с международным терроризмом»¹³. Однако новое направление российско-американского сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности крайне тесно граничило с вопросами соперничества двух стран в регионе Центральной Евразии¹⁴.

С началом всеобъемлющей войны с международным террором Россия выступила с расширенной программой вклада в общее дело и оказывала всяческую поддержку США в проведении операции в Афганистане. Москва оказывала информационную поддержку Вашингтону по линии спецслужб, открыла свое воздушное пространство, поддержала решение центрально-азиатских стран предоставить аэродромы для операций в Афганистане, а также расширила военно-техническое сотрудничество с Северо-атлантическим альянсом. На начальном этапе борьба с международным терроризмом способствовала укреплению двусторонних отношений России и США.

Однако, несмотря на заверения Вашингтона об ограниченности по времени военного присутствия в Каспийско-центрально-азиатском регионе, США не спешили ослаблять свое влияние после окончания фазы активных действий в Афганистане в 2002 г. Сроки базирования американских сил не определялись по времени, а военное присутствие приобретало долгосрочный характер. Госдепартамент обосновывал свою политику через призму стратегических интересов США в регионе Каспия и необходимости защиты транспортно-логистической системы региона. Расширение военно-политического присутствия США и укрепление их связей с регионом Каспия и ЦА означало для Москвы потерю ее позиций и ослабление влияния на формирование региональной системы безопасности.

В новых геополитических условиях преимущества оказались в руках США, которые инициировали и возглавили антитеррористическую коалицию. Фактически все страны Каспийского региона (кроме Ирана, у которого были напряженные отношения с США и в целом с Западом), так или иначе, оказывали содействие силам антитеррористической коалиции. В то же время страны Каспия и ЦА являлись членами региональных

организаций, таких как СНГ, ОДКБ, ШОС (в которых ведущей силой рассматривались Россия и Китай соответственно), на уровне которых проходило взаимодействие по вопросам борьбы с терроризмом, экстремизмом и координация внешнеполитической деятельности¹⁵.

Достаточно знаковое событие с точки зрения влияния на архитектуру региональной безопасности произошло в октябре 2003 г., когда была открыта российская авиабаза в Киргизии, расположенная в нескольких километрах от базы ВВС США в Манасе¹⁶. Факт открытия первой с момента распада Советского Союза российской военной базы на территории другого государства говорил об усилении геополитического соперничества в Центральной Евразии, а также о попытке уравновесить растущее влияние США в регионе со стороны России¹⁷.

После 11 сентября 2001 г. Казахстан, как и многие другие страны, выразил свою готовность участвовать в совместном «походе» против международного терроризма. После 2001 г. активизировались казахстанско-американские связи. Так, во время одного из визитов высокопоставленных лиц США, в частности министра обороны Дональда Рамсфелда в феврале 2004 г. в Астану, было заявлено, что «стабильность в Каспийском регионе есть важный фактор не только для Казахстана, но и для всего мира»¹⁸. Вашингтон увеличил финансирование Казахстана в целях укрепления военно-политического сотрудничества. США всячески пытались продемонстрировать свое намерение и заинтересованность в налаживании тесных связей с руководством РК.

Нужно отметить, что Вашингтону удалось добиться определенных успехов в укреплении связей с Казахстаном. На основе меморандумов, подписанных в 2001–2002 гг., США имели право пользоваться воздушным пространством Казахстана и совершать незапланированные посадки в аэропорту Алма-Аты. Казахстан оказал поддержку Соединённым Штатам как в афганской кампании 2002 г., так и в иракской 2003 г. В 2003 г. между РК и США был подписан план пятилетнего военного сотрудничества¹⁹. Документ охватывал такие сферы двустороннего взаимодействия, как совместное противодействие международному терроризму, развитие миротворческих сил, укрепление боеспособности сил воздушной обороны казахстанских вооруженных сил, развитие военной инфраструктуры Каспийского региона, военно-морских сил и т. д.

При этом Казахстан оказался в довольно непростом геополитическом положении в начале XXI в. Ему приходилось балансировать между интересами США и России. С одной стороны, интересы России как стратегического партнера Казахстана и важного регионального игрока являлись неоспоримыми, с другой, крупнейшим иностранным инвестором в Казахстане являлись США.

Как уже отмечалось, отношения России и Казахстана носили стратегический, союзнический характер. Вопросы углубления сотрудничества в

разных областях обсуждались в 2001–2002 гг. на встречах В. Путина с президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым в Ереване, Шанхае, Сочи, Москве, Алма-Ате, Ашхабаде. Существовала практика регулярного обмена посланиями, телефонными разговорами между президентами двух государств. Контакты происходили как на уровне глав государств, так и на уровне министров иностранных дел. Постоянные связи поддерживались и по линии региональных систем безопасности.

Главы государств не раз подтверждали приоритетный уровень взаимоотношений между странами во многих областях, в том числе в сфере обеспечения безопасности. В частности, как заявил президент Казахстана Н. Назарбаев на открытии Года Казахстана в России в 2003 г. «... Мы являемся теми государствами, которые не имеют никаких взаимных долгов, никаких противоречий, никаких нерешенных проблем»²⁰. В свою очередь, президент России В. Путин отмечал: «Российско-казахстанское взаимодействие все больше становится важнейшим фактором региональной безопасности. Мы вместе противостояем международному терроризму, содействуем урегулированию локальных конфликтов, сотрудничаем в борьбе с транснациональной преступностью»²¹.

Спецификой Каспийского региона является тесное переплетение геополитики с транспортно-логистическими коридорами и контролем над ними. В связи с этим необходимо отметить введение в действие летом 2001 г. нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), ставшего первым реально осуществляемым стратегическим проектом международного масштаба для Казахстана и России. В 2002 г. Казахстан и Россия подписали беспрецедентное соглашение по транспортировке нефти, утверждающее объемы ее транзита на ближайшие 15 лет²². Таким образом, РК и РФ значительно углубили уровень сотрудничества на перспективу.

С учетом нарастания геополитической конкуренции в зоне Каспия, усиления влияния США под предлогом ведения антитеррористической войны и в целях противодействия вызовам и угрозам в 2003 г. Москва впервые выдвинула идею о создании своего рода «щита» Каспийского региона – объединенных военно-морских сил прикаспийских государств «КАСФОР» («Caspian Force» – Каспийская сила)²³. Находясь с визитом в Баку, министр обороны Сергей Иванов заявил, «что данная структура могла бы взять на себя функции “некоторых совместных сил”, в частности подразделений пограничных войск и войск специального назначения»²⁴.

Среди основных задач «КАСФОР» отмечались борьба с распространением оружия массового уничтожения, терроризмом, контрабандой, незаконным оборотом наркотиков. Выступая на круглом столе в Совете Федерации в 2005 г., посвященном проблемам реализации единой международной системы коллективной безопасности в бассейне Каспийского моря, посол

по особым поручениям МИД РФ, руководитель рабочей группы по Каспию Александр Головин заявил, «что влияние нерегиональных сил в бассейне Каспийского моря должно быть как можно меньше»²⁵. Он отметил также, что «в проекте конвенции по Каспийскому морю зафиксированы положения о запрете плавания судов под флагами неприкаспийских государств... Мы добиваемся фиксации в конвенции положений о недопустимости присутствия вооруженных сил государств, не относящихся к Каспийскому региону. Иран нас в этом поддерживает, другие государства пока проявляют сдержанность»²⁶.

Стоит отметить, что государства Прикаспия по-разному относились к идеи присутствия сил третьих стран в регионе. Так, в 2003 г. Азербайджан вел переговоры с США об укреплении водных границ страны, защите принадлежащих республике нефтегазовых месторождений от атак террористов и неприяТЕЛЬСКИХ СИЛ²⁷. В то время как Иран и Россия занимали четкую позицию недопустимости привлечения в зону Каспия иностранных военных сил. Российская инициатива о формировании КАСФОР была поддержана Казахстаном, при этом Туркменистан отнесся с настороженностью к данной идее, рассмотрев в ней стремление Москвы усилить свое влияние в регионе.

С начала 1990-х гг. и до событий 11 сентября 2001 г. архитектура безопасности в Каспийском регионе в основном формировалась посредством сотрудничества государств постсоветского пространства в рамках региональных структур. Внешний фактор имел место быть в регионе, однако его масштабы не были столь значительны в этот период времени.

Ситуация меняется после террористических ударов по США 11 сентября 2001 г. С этого момента начинается активная фаза формирования международной антитеррористической коалиции по борьбе с терроризмом, которая включала в себя десятки стран мира. Силы коалиции возглавили Соединённые Штаты, которые взяли на себя функции локомотива в войне против террора, корни которого, по их мнению, следовало искать в Афганистане. Появился враг номер один для всего цивилизованного мира, и бороться с ним необходимо было совместными усилиями.

В результате архитектура безопасности Каспийского региона и Центральной Азии после 2001 г. претерпела существенные изменения. Начала происходить постепенная милитаризация Центральной Евразии на фоне соперничества ведущих держав (мировой в лице США и региональной в лице России) за влияние в Каспийско-центрально-азиатском регионе. На ситуацию в области безопасности стали влиять три основных компонента: иностранное военное присутствие в регионе в рамках деятельности международной антитеррористической коалиции; усиление соперничества России и США; сотрудничество государств региона в рамках региональных структур.

В сложившихся условиях Казахстан был уравновешенно активен, как в отношениях с Россией, так и с Западом. Конфликтный потенциал в регионе Каспия был высок, что противоречило внешнеполитическим интересам страны, которая выступала за формирование вокруг своих границ зоны стабильности и мира. После событий 11 сентября Астана выразила свою поддержку силам коалиции и принимала активное участие в борьбе с терроризмом. В то же время казахстанскому руководству удалось сохранить и развить стратегический характер взаимоотношений с союзнической Россией.

Примечания

- 1 Lorente R. Bush tells nation : get ready for war response must be «sweeping, sustained and effective» // South Florida Sun – Sentinel. 2001. September 16. P. 1A.
- 2 Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009. С. 83.
- 3 Shribman D. Bush doctrine slipping under political radar // The Boston Globe. 2002. December 24. P. 3.
- 4 The Road to War // Wall Street Journal. 2003. March 20.
- 5 Мирзоев Э. Индия и Пакистан на грани войны // Вестник. 2002. № 2 (287). 17 янв.
- 6 Tisdall S. War in Afghanistan : Powell priority to cement coalition // The Guardian. 2001. November 29. P. 9.
- 7 Панкратенко И. Интерес Тегерана к каспийскому узлу формируется прежде всего в сфере безопасности и проблемы Каспия должны решаться соседями, а не международными «экспортерами демократии» // Центр стратегической конъюнктуры. URL: <http://conjuncture.ru/caspirania-org-02-07-2014/> (дата обращения: 15.09.2016).
- 8 Агамамедова З. Нейтралитет Туркменистана // Журнал теории международных отношений и мировой политики «Международные процессы». URL: <http://www.intertrends.ru/three/012.htm> (дата обращения: 15.09.2016).
- 9 Панфилова В. Россия и Туркмения продолжают диалог на высшем уровне // Независимая газ. 2002.19.01. URL: http://www.ng.ru/cis/2002-01-19/5_dialog.html (дата обращения: 15.09.2016).
- 10 Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. // Независимая газ. 2000.07.11. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения: 15.09.2016).
- 11 Там же.
- 12 Halperin M. Collective security // American Prospect. 2001. October 22. P. 11.
- 13 Игорь Иванов и Колин Пауэлл отметили близость позиции России и США по вопросу борьбы с международным терроризмом // ИА РИА Новости. 2001. 18 окт. URL: <http://www.ria.ru/politics/20011018/1245.html> (дата обращения: 06.06.2016).
- 14 Jafalian A. Russie, Etats-Unis, Asiecentrale : la nouvelle version du grand jeu. Annuaire militaire et strategique. Paris, 2002. P. 55–70.
- 15 Чернышёв Г. В. В перспективе – сотрудничество // Военные знания. 2005. № 8. С. 4.
- 16 Россия подарила Киргизии вооружения и техники на 3 миллиона долларов // ИА Lenta. 2003. 23 окт. URL: <https://lenta.ru/world/2003/10/23/weapons/> (дата обращения: 06.09.2016).
- 17 Utyaganova M. Opening of Russian Airbase in Kyrgyzstan. Analyst. Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University. 2003. November 5.
- 18 Чеботарев А. Казахстан и Иран : геополитика Каспийского региона // ИАЦ МГУ им. Ломоносова. 2009.09.04. URL: <http://ia-centr.ru/expert/4370/> (дата обращения: 06.06.2016).
- 19 Старчак М. Россия как приоритет многовекторной политики в развитии обороноспособности Казахстана // Журн. Казахстан в глобальных процессах. 2008. № 2. С. 34.
- 20 Кондрашов А. Россия и Казахстан поклялись в вечной дружбе // Vesti Россия. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=100372&tid=12749> (дата обращения: 06.09.2016).
- 21 Выступление В. В. Путина на открытии Года Казахстана в России 18 февраля // Журн. Дипломатический вестн. 2003. Март. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/337de296bb68953d4c3256d17004c727e!OpenDocument (дата обращения: 11.08.2016).
- 22 Ертысбаев Е. Казахстан и Назарбаев : логика перемен. Астана, 2001. С. 498.
- 23 Власов А. Азербайджан и стратегии безопасности для Каспийского региона (часть 2) / ИАЦ МГУ им. Ломоносова. URL: <http://ia-centr.ru/expert/721/> (дата обращения: 11.09.2016).
- 24 Мамедов Д. «Каспийский страж взял верх» // Обществен. еженед. газ. Военно-промышленный курьер. 2006. Вып. № 36 (152). 20 сент.
- 25 Между США и Россией : Азербайджан за неделю // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/418052.html> (дата обращения: 11.09.2016).
- 26 Там же.
- 27 Ахундова У. Каспий мутят // ИА inosmi.ru. URL: <http://inosmi.ru/caucasus/20111011/175837412.html> (дата обращения: 11.09.2016).

Образец для цитирования:

Саркулова Г. С. Изменение архитектуры безопасности Каспийского региона в начале XXI века и интересы Казахстана // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 223–227. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-223-227.

Cite this article as:

Sarkulova G. S. Changing the security architecture of the Caspian region in the early 21st century and the interests of Kazakhstan. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 223–227 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-223-227.